

LITERATUROZNAWSTWO.
KULTUROLOGIA

Tomasz Hodana
Uniwersytet Jagielloński

**Московское государство глазами православных граждан
Речи Посполитой накануне и в годы Смуты¹**

Приходящееся на эти годы 400-летие Смутного времени было отмечено в России многочисленными научными мероприятиями, посвященными различным аспектам внутреннего кризиса Московского государства на рубеже XVI–XVII веков и тогдашним отношениям России с западным миром. Продолжавшийся более 10-ти лет конфликт между Речью Посполитой и Москвой интерпретировался в юбилейных публикациях большей частью традиционно: как драматическое противостояние православного Востока и католического Запада, а также первое в Европе Нового времени столкновение государств, народов и культур, принадлежавших к этим двум цивилизационным кругам.

При рассмотрении польско-русских взаимоотношений в начале XVII века не следует однако забывать о том, что Речь Посполитая была тогда государством Обоих Народов – поляков и литовцев – только по названию. Многокультурная мозаика жителей Польского Королевства и Великого княжества Литовского складывалась из представителей разных народностей и религий. Восточные земли страны населяли православные русины, то есть украинцы и белорусы, культура которых, восходящая к тем же византийско-славянским источникам, что и культура Московского государства, уже несколько столетий подвергалась влиянию западной цивилизации. На наш взгляд, выяснение отношения русинов к восточному соседу представляет собой естественное

¹ В статье использованы исследования, содержащиеся, в частности, в нашей книге: Т. Hodana, *Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI– połowy XVII stulecia)*, „Studia Ruthenica Cracoviensia”, t. 4, Kraków 2008.

дополнение картины Смутного времени. В их мировоззрении можно предположить существование определенного дисбаланса между, с одной стороны, сознанием общности вероисповедания, а с другой, – различной общественно-политической формацией, обусловленной принадлежностью к иному государству, и уже довольно значительным отчуждением в области культуры².

Данная тема заслуживает внимания еще и потому, что характер сношений русинов с Москвой получил в российской и советской историографии тенденциозную интерпретацию. Следы такого стереотипного мышления встречаются в литературе предмета до сих пор. Поэтому наши рассуждения зачастую будут попыткой переосмысления некоторых текстов, процессов и событий того времени³.

В заглавии данной статьи фигурируют годы Смуты, однако хронологические рамки исследования несколько шире, так как с позиций истории белорусской и украинской культуры события Смутного времени вписываются в контекст таких процессов и факторов, как: кризис Киевской митрополии во второй половине XVI столетия, заключение Брестской церковной унии 1596 года, раскол православной культуры и бурное развитие религиозной полемики. Именно памятники церковно-полемической литературы являются основным материалом для наших разысканий. В исследуемое время эти источники представляли собой наиболее значимое, самобытное и разнообразное явление в украинско-белорусской словесности, которое включало в себя – помимо богословских и исторических трудов – публицистику и художественную литературу. В корпусе анализируемых текстов довольно хорошо отразилась точка зрения светских и духовных элит того времени.

Сочинением, которое положило начало религиозной полемике, был трактат польского иезуита Петра Скарги *О единстве Церкви Божьей*, изданный впервые в Вильне в 1577 году⁴. Уже в этой книге нашли отражение констатации,

² Вопрос культурной идентичности польско-литовских русинов долгие годы находится в центре научного спора. Многие современные исследователи, в первую очередь русские (в частности, Борис Флоря, Анатолий Турилов, Михаил Дмитриев), утверждают, что до 1-й половины XVII ст., когда Киевскую митрополию возглавил Петр Могила, культура православного населения Речи Посполитой была естественным продолжением единой для восточных славян церковной традиции и ни в чем не отличалась от культуры московского православия.

³ Подобную попытку предпринял недавно украинский историк Виталий Масненко в статье *Украинский фактор в событиях Московской смуты в начале XVII в.*, „*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*” 2012, № 2 (12), с. 91–106. Результаты его исследований совпадают с положениями, изложенными в нашей книге *Między królem a carem...* и в настоящем тексте.

⁴ *O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem. I o greckim od tej jedności odstąpieniu. Z przestrogą i upominaniem do narodów ruskich przy Grekach stojących...* (Вильна 1577), [в:] *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссiєю*, т. VII: *Памятники полемической литературы въ Западной Руси*, кн. 2, Петербургъ 1882, колонки 223–526; очередные издания: Краков 1590 и 1610.

которые касаются интересующей нас темы. Описывая потенциальные препятствия на пути к церковной унии, Скарга усматривает камень преткновения в Московии. Он имеет в виду, главным образом, высокий престиж великорусской Церкви, опирающийся на авторитет единственного в мире православного самодержца. Проповедник предостерегает о том, что в условиях латинского прозелитизма православные верующие с надеждой взирают на Москву и в ней усматривают спасение для собственной традиции и веры⁵.

Скарга был человеком, хорошо разбиравшимся в вопросах православия, и одним из архитекторов религиозной политики Речи Посполитой, поэтому следует задаться вопросами: Насколько обоснован был его диагноз? В самом ли деле противодействие унии с Римом опиралось на осознание единства с Московской Русью?

Ответ на эти вопросы целесообразно было бы предварить сведениями о воззрениях и деятельности крупнейшего православного вельможи Речи Посполитой, которому и посвящено первое издание сочинения Скарги. Речь идет о киевском воеводе, князе Константине-Василии Острожском, который в конце XVI столетия стал бесспорным лидером антиуниатской оппозиции⁶.

Общеизвестны контакты князя с Московией в связи с разными культурными начинаниями, в частности, подготовкой и изданием Острожской Библии. Это эпохальное событие стало возможным благодаря мастерству первопечатника Ивана Федорова и благосклонности Ивана IV Грозного, который передал магнату экземпляр знаменитой Геннадиевской Библии. Князь пользовался в Москве глубоким уважением и славой покровителя православия; он считался там единоверным боярином и политическим соратником⁷. Киевский воевода старался, однако, чтобы его отношения с соседней державой никогда не противоречили долгу высокого государственного деятеля и гражданина Речи Посполитой и всегда однозначно отмежевывался от политических связей с православным царством⁸.

⁵ Ср. там же, колонка 496.

⁶ Ср., напр.: К. Lewicki, *Książę Konstanty Ostrogski a unja brzeska 1596 r.*, Lwów 1933; Т. Кемпа, *Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608). Wojewoda kijowski i marszałek ziem wołyńskiej*, Toruń 1997. Особенного внимания заслуживает опубликованная недавно обширная статья Леонида Тимошенко, посвященная вопросу отношения Острожского к Москве: Л. В. Тимошенко, *Князь В.-К. Острожский и «единоверная» Московская Русь (к проблеме взаимоотношения православных культур Восточной Европы)*, [в:] *Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: Общее и различное*, под ред. М. В. Дмитриева, Москва 2012. Автор исследует аналогичный нашему круг вопросов и приходит к таким же выводам.

⁷ В январе 1587 г. после кончины короля Стефана Батория Борис Годунов пытался склонить Острожского к поддержке претензий царя Федора Ивановича на польский престол; ср. Б. Н. Флоря, *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI– начале XVII в.*, Москва 1978, с. 142–144.

⁸ Ярким примером лояльности князя Острожского служит позиция, занятая им по отношению к первому Самозванцу. Когда выявились планы Лжедмитрия завоевать Москву, Острож-

С представленным тезисом расходится – по мнению некоторых исследователей – грамота князя Острожского к московскому патриарху Иову. Письмо датируется 1604 годом, но в научный оборот было введено лишь в конце XX века⁹. Российский историк Анатолий Аркадьевич Турилов, который обнаружил и опубликовал послание, утверждает, что Острожский пытался вовлечь патриарха в политическую кампанию против униатской Церкви. И все же анализ грамоты вряд ли оправдывает подобное прочтение. На наш взгляд, документ представляет собой всего лишь просьбу о поддержке в полемике (Острожский ходатайствует о прислании образованных богословов). Знамательно и то, что прежде чем написать в Москву, князь старался преодолеть кризис Киевской митрополии, прибегая к помощи Рима, восточных патриархов и польско-литовских протестантов¹⁰. Не исключено, что именно разочарование в результатах этих стараний привело его на склоне лет к поискам помощи на Великой Руси. И хотя грамота была вручена адресату, ожидаемой помощи Острожский так и не получил.

Представленную на примере магната позицию мы склонны считать показательной для всей православной знати. Государственный патриотизм был настолько важным компонентом ее ментальности, что даже в годы гонений на восточную Церковь православная шляхта оставалась верной католическому королю¹¹.

ский пытался всеми силами им воспрепятствовать, но тем не менее не согласился на сотрудничество с московскими властями, и в 1604 году арестовал их эмиссара, прибывшего с просьбой поймать Гришку Отрепьева и отправить его к Годунову. Ситуация повторилась после окончания первого этапа Смуты, когда в Острог явились посланцы московского Синода с официальным извещением о смерти Лжедмитрия и возведении на престол Василия Шуйского. И на этот раз киевский воевода приказал задержать московитов и заточить их в тюрьму, тем самым четко отстраняясь от политического содействия с Россией. Ср. Т. Кемпа, *Konstanty Wasyl Ostrojski...*, с. 228–230.

⁹ А. А. Турилов, *Из истории проектов ликвидации Брестской унии (Неизвестное послание князя Константина Острожского патриарху Иову)*, [в:] *Славяне и их соседи*, вып. 3: *Католицизм и православие в Средние века*, Москва 1991, с. 128–140; текст и перевод грамоты на польский язык см. также в нашей книге *Między królem a carem...*, с. 212–215.

¹⁰ Подробная информация о сотрудничестве Острожского с протестантами приводится [в:] Т. Кемпа, *Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku*, Toruń 2007, гл. II и III.

¹¹ Ср. работы польского историка Иеронима Грали (Hieronim Grala), напр.: *Kołpak Witołdowy czy czapka Monomacha. Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów*, [в:] *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX w.)*, pod red. J. Bardacha i T. Chynczewskiej-Hennel, Warszawa 1997, с. 51–67; *Rutheni vs. Mosci: elita ruska Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wojen z Moskwą w XVI w.*, [в:] *Беларусы і палякі. Дыялог народаў і культур X–XX ст. Матэрыялы міжнароднага круглага стала (Гродна 28–30 верасня 1999 г.)*, (=Наш Радавод, кн. 8), рэд. Д. Караў, А. Латышонак, Гродна–Беласток 1999 (2000), с. 34–51; *Wyznanie propaństwowe? Dole i niedole „wiary greckiej” w Wielkim Księstwie Litewskim*, „Mówią Wieki” 2001, nr 10, с. 39–43.

Вернемся, однако, к полемической литературе. Следующим существенным аспектом интересующего нас вопроса является реакция русинов на учреждение еще до унии Московского патриархата. По мнению многочисленных исследователей, священноначалие Киевской митрополии не оставалось равнодушным к этому событию, напротив, из опасения перед господством Москвы оно якобы окончательно решилось на подчинение Риму¹².

Тезис о влиянии московского фактора на генезис Брестской церковной унии представляется, однако, небесспорным. Украинский историк Борис Гудзяк замечает, что призрак московской угрозы – это экстраполяция на более ранний период ситуации, сложившейся во второй половине XVII века. Согласно Гудзяку, на рубеже XVI столетия русины и москвиты по сути дела не интересовались друг другом¹³.

И действительно, при знакомстве со словесностью того времени бросается в глаза отсутствие упоминаний о том, что в 1589 году произошло в Москве. Этот факт тем более поразителен, что учредителем патриаршества был глава Царьградской Церкви Иеремия, который по дороге в Москву и обратно на несколько месяцев задерживался в Речи Посполитой¹⁴. Украинско-белорусские источники, довольно широко описывающие первый за всю историю визит патриарха в Киевскую митрополию, ни единым словом не упоминают о роли, какую тот сыграл в Москве. Одним из наиболее ярких примеров является исторический памфлет *Предостережение (Пересторога)*, в котором анонимный православный автор, член Львовского братства, подробно описывавший двукратное пребывание Иеремии в Польше и Литве, отметил всего лишь, что патриарх отправился в Москву «для потребъ церковных и строенія ихъ»¹⁵. С учетом того, что трудно представить себе, будто православные христиане

¹² Ср., напр.: В. Kumor, *Geneza i zawarcie unii brzeskiej*, [в:] *Unia brzeska: geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodów słowiańskich*, pod red. R. Łuźnego, F. Ziejki i A. Kępińskiego, Kraków 1994, с. 28–30; S. Kozak, *Unia Brzeska – oczekiwania i rzeczywistość*, [в:] *Unia Brzeska z perspektywy czterech stuleci*, red. J. S. Gajek MIC, ks. S. Nabywaniec, (=Teologia w Dialogu, t. 8), Lublin 1998, с. 191; A. Sulima Kamiński, *Historia Rzeczypospolitej Wielu Narodów 1505–1795. Obywatele, ich państwa, społeczeństwo, kultura*, Lublin 2000, с. 74–75.

¹³ Б. Гудзяк, *Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії*, переклад з англ. М. Габлевич, під ред. О. Турія, Львів 2000, с. 288–289 и далее.

¹⁴ Ср., напр.: там же, с. 212–217, 249–270; М. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. V: *Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII віків*, Львів 1905 (репринт: Київ 1998), с. 550–560; М. В. Дмитриев, *Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.*, (=Труды исторического факультета МГУ, вып. 22; сер. II: Исторические исследования, 7), Москва 2003, с. 104–113.

¹⁵ *Пересторога зъло потребная на потомные часы православным христианом...* (1605/1606), [в:] М. Возняк, *Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові*, Львів 1954.

в Речи Посполитой (особенно львовские братчики¹⁶) не знали об установлении российского патриаршества, можно полагать, что они считали это малосущественным для своей Церкви.

Иной точки зрения на толкование представленного парадокса (отсутствия подробных свидетельств о значении московского визита Иеремии) придерживается выдающийся российский историк Борис Николаевич Флоря, который констатирует, что факт игнорирования «московского эпизода» объясняется опасениями авторов перед реакцией властей; по мнению исследователя, русины благосклонно встретили новый патриархат, но хотели избежать обвинения в московских симпатиях¹⁷. Подобное доказательство представляется нам спорным прежде всего потому, что в полемических трактатах, на которые ссылается Флоря, можно без труда найти мотивы, с ракурса польско-литовского правительства заслуживавшие куда более серьезного осуждения. Самым ярким, но не единственным примером служит защита патриаршего посланника, великого протосинкелля Никифора, предпринятая в упомянутом выше *Предостережении*¹⁸. Таким образом, надо еще раз подчеркнуть, что в начале XVII века Московская Церковь не приковывала внимания православных полемистов. Естественно, это отнюдь не противоречит утверждению, что под гнетом католиков русины могли благосклонно взирать на соседнюю державу, где господствовала православная вера.

Иллюстрацией последнего положения служат послания Ивана Вишенского, украинского монаха со Святой горы Афон. Вишенский пишет в них о надэтническом единстве *Slavia Orthodoxa*, фундаментом которого является единоверие и церковнославянская традиция. Важнейшей составной частью этого единства он считает Московскую Русь. Возражая Петру Скарге, кото-

¹⁶ В 1592 г. во Львове пребывал митрополит Тырновский Дионисий, который годом раньше доставил в Москву грамоту Константинопольского собора 1590 г. Несомненно, он сообщил членам ставропигии о событиях, произошедших в Московской Церкви, тем более, что советовал братчикам обратиться к царю Федору Ивановичу за материальной помощью и сам поддерживал их челобитную отдельными грамотами; ср. *Акты, относящиеся к истории Западной России*, т. IV, № 34, С.-Петербург 1851, с. 47–51.

¹⁷ Б. Н. Флоря, *Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение*, [в:] В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич, *Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства*, Москва 1982, с. 188–190.

¹⁸ *Пересторога...*, с. 33–44. В 1596 г. в качестве уполномоченного Константинопольского патриарха Никифор возглавил православный брестский собор. Польские власти обвинили его в шпионаже в пользу Турции и без судебного приговора заточили в тюрьму в Мариенбургский замок (несмотря на то, что на сейме в Варшаве в 1597 г. суд оправдал Никифора), где в 1602 умер; ср. Т. Кемпа, *Proces Nicefora na sejmie w Warszawie w 1597 roku*, [в:] *Europa Orientalis. Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. Studia i materiały ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Alexandrowiczowi w 65. rocznicę urodzin*, red. Z. Karpus, Т. Кемпа, D. Michaluk, Toruń 1996, с. 145–168.

рый возвещал тогда упадок всей Восточной Церкви, Вишенский ставит в пример, в частности, процветающие монастыри Великой Руси. Даже отечественная святыня – Киево-Печерская лавра – уступает в его глазах святым местам Московского государства¹⁹. Для афонского монаха Речь Посполитая и Запад представляли собой очаг всякого зла и греха, тогда как Московия – держава, изолированная от инославного влияния – виделась ему местом, где благочестие существует в нетронутой форме²⁰.

Даже с учетом того, что оценки Вишенского формулировались с перспективы Святой горы, мы тем не менее можем констатировать, что в определенных кругах православного населения Речи Посполитой существовало сознание не только конфессиональной, но и культурной общности с московскими землями. Особенно сильно оно проявлялось в консервативных слоях общества, которые прозападные реформы считали отступлением от веры.

По иронии истории, в то время как Вишенский уговаривал Скаргу посетить Великую Русь, многие русины получили возможность собственными глазами увидеть московские святыни. Однако не как богомольцы, а как участники польско-московского конфликта.

Массовое участие подданных короля Сигизмунда III – в том числе большого количества православных – в событиях Смутного времени нашло широкое отражение в польской мемуаристике и публицистике. При этом примечательно то, что они заняли сравнительно мало места на страницах религиозно-полемической литературы. Напрашивается вопрос о том, выражали ли русины во время войны поддержку единоверцам? Ведь в литературе и коллективном сознании москвитов польско-литовская интервенция запечатлелась как «крестовый поход» на восточное христианство.

Ответ на этот вопрос затруднителен, в частности потому, что православные верующие не могли вполне откровенно выражать свое мнение по этому поводу. Положение Церкви в Речи Посполитой было драматичным, и конфликт с Москвой несколько ему не помогал. Достаточно сказать, что король Сигизмунд подчеркивал религиозный характер войны; ее конфессиональный аспект акцентировали также католические полемисты и проповедники.

В такой атмосфере оглашение промосковских симпатий могло лишь отяготить участь православного населения, вызвать обвинения в попытке мятежа либо в государственной измене. И хотя трудно себе представить, чтобы

¹⁹ И. Вишенский, *Зачапка мудраго латынника з глупым русином*, [в:] он же, *Сочинения*, подготовка текста, статья и коммент. И. П. Еремина, Москва – Ленинград 1955, с. 192.

²⁰ Ср., напр., послание *Тобѣ в земли зовемой полскою мешкаючому... народу, руско-му, литовскому и лядскому...* (там же, с. 45–49) и другие сочинения Вишенского. См. шире: T. Hodana, *Sodoma i królestwo babilońskie. Rzeczpospolita w pismach Iwana Wiszeńskiego*, [в:] *Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej ze Stolicą Apostolską i Ukrainą*, pod red. M. R. Drozdowskiego, W. Walczaka i K. Wiszowatej-Walczak, Białystok 2012, с. 1057–1067.

в таких условиях русины особо активно поддерживали Москву, некоторые российские историки делают именно такие заключения. В труде, увидевшем свет в 80-е годы XX столетия, Борис Флоря пишет, что Смутное время стало важным этапом в развитии русско-украинско-белорусских отношений и эпохой, когда восточнославянское единение «было скреплено совместной борьбой против агрессивной экспансионистской политики польско-литовского правительства»²¹. В аргументации ученый ссылается, в частности, на издательскую деятельность виленского православного братства Святого Духа²².

Напомним, что в годы 1609–1610 в братской типографии вышел из печати ряд полемических сочинений, которые вызвали негодование и нервную реакцию властей. Все это происходило в атмосфере бурного спора, который уже несколько лет вел с православными мещанами и духовенством униатский митрополит Ипатий Потей. Он стремился к подчинению виленских русинов своей духовной власти, отнимал у них храмы и церковное имущество. В итоге униатам удалось занять все церкви города, кроме братского монастыря Святого Духа²³.

Самое известное произведение, сочиненное на волне этих событий, – это польскоязычный трактат *Тренос или Плач Восточной Церкви* просветителя и полемиста Мелетия Смотрицкого. Книга состоит из нескольких крупных глав. Наиболее трогательна ее первая лирическая часть: униженная Мать-Церковь скорбит о своей несчастной доле и жалуется на сынов, бросивших ее для католичества и униатства²⁴. За сравнительно короткое время книга получила широкую огласку и стала символом православного сопротивления – и всё из-за упомянутой негативной реакции властей.

Известие о делах братского издательства скоро дошло до Сигизмунда III, который пребывавал тогда под Смоленском, осаждаемом польско-литовскими войсками. Король велел конфисковать и сжечь все опальные публикации,

²¹ Б. Н. Флоря, *Древнерусские традиции...*, с. 194. В своей новейшей монографии, посвященной Смутному времени (*Польско-литовская интервенция в России и русское общество*, Москва 2005), ученый оценивает сношения русинов с Москвой не так однозначно (но не это является основной темой его труда). И тем не менее, автор утверждает, что после заключения Брестской церковной унии «православное население восточных областей Речи Посполитой стало искать поддержки и помощи в России» (с. 57), повторяя тезис о том, что кризис киевского православия и события Смутного времени способствовали интенсификации взаимоотношений и росту сознания «общеправославного» единства по обе стороны границы.

²² Там же, с. 192–194.

²³ Ср., напр.: Т. Кемпа, *Wileńskie bractwo św. Ducha jako centrum obrony prawosławia w Wielkim Księstwie Litewskim w końcu XVI i pierwszej połowie XVII w.*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, nr 21, Białystok 2004, с. 54–61.

²⁴ *Threnos to jest lament...*, [В:] *Collected Works of Meletij Smotryc'kyj*, with an Introduction by D. A. Frick, (=Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, vol. 1), Cambridge, Massachusetts 1987, с. 1–38.

арестовать их авторов и издателей, а также закрыть типографию – что и было немедленно выполнено.

Эти суровые меры принято объяснять опасениями короля, предполагавшего, что распространение *Треноса* – произведения, описывающего гибель православия, – может вызвать негативную реакцию в Московском государстве, в частности, среди бояр, с которыми велись переговоры о возведении на царский престол королевича Владислава. Напомним, что одним из важнейших условий, выдвинутых боярами, было сохранение всех православных обрядов и прав Церкви. Поэтому книга, напечатанная виленскими братчиками, могла подорвать доверие к словам Сигизмунда и способствовать срыву переговоров.

Несмотря на решительную реакцию польского монарха, экземпляры *Треноса* распространились по Вильне и другим городам Речи Посполитой. Такую информацию передает Петр Скарга, ответивший на сочинение Смотрицкого специальным трактатом, в котором остерегал сограждан, что проникший уже в Московию *Тренос* наносит большой вред польским интересам²⁵. Однако, как отмечает Татьяна Опарина, проникновение церковно-полемиической литературы в Московское государство в период Смуты было минимальным, и «каких-либо следов бытования *Треноса* в русской традиции не сохранилось»²⁶.

Как уже было сказано, Борис Флоря усматривал в издании *Треноса* диверсионную акцию православного братства, которое якобы решило сорвать планы польско-литовских политиков. Исследователь, не занимаясь содержанием трактата, сделал упор на дату публикации и отрицал случайное совпадение по времени двух событий: смоленского похода и инициативы братчиков. Связь *Треноса* со Смутой представляется нам, однако, маловероятной; единственный повод к такому суждению дает выступление Скарги. Между тем изучение *Треноса* показывает, что Смотрицкий скорее всего пытался выразить бессилие православных русинов. Он сосредоточился исключительно на делах Киевской митрополии и никоим способом не касался польско-московского конфликта²⁷.

Таким образом, вопреки тому, что стараются доказать некоторые историки, Смутное время не стало началом развития «политических контактов», ведущих к соединению, или хотя бы сближению Беларуси и Украины с Россией.

²⁵ P. Skarga, *Na Threny i lament Theophila Orthologa do Rusi greckiego nabożeństwa przestroga*, Kraków 1610, с. А₂у.

²⁶ Т. А. Опарина, *Полемическая книжность восточнославянских земель Речи Посполитой в России в эпоху Смуты*, [в:] *Смутное время в России. Конфликт и диалог культур*, (=Труды исторического факультета СПбГУ, т. 10), научн. ред. А. И. Филюшкин, Санкт-Петербург 2012, с. 226–227.

²⁷ Вслед за Дэвидом Фриком следует также подчеркнуть, что Смотрицкий – как в *Треносе*, так и в других сочинениях – выступал как гражданин Речи Посполитой и представитель «русского народа», всегда разграничивающий «польско-литовских» русинов («русский народ») от москвитов («московский народ»); ср. D. A. Frick, *Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Question in the Early Seventeenth Century*, „Harvard Ukrainian Studies” 1984, vol. VIII, № 3/4, с. 362–363.

Конечно, это не исключает факта, что определенные группы православного общества (по большей части мещане и духовенство) сопереживали москочитам²⁸. И все же подавляющее большинство русинов с равнодушием отнеслось к событиям Смуты, а многие из них боролись на стороне Самозванцев и в армии польского короля. В числе противников Московии находились также многотысячные отряды запорожских казаков, которые разоряли великорусские земли²⁹, а спустя пару лет по иронии судьбы выступили в защиту православной веры в Речи Посполитой и публично покаяться за грехи, совершенные во время московской кампании³⁰.

Авторы, пишущие об осознании общерусского православного единства, не уделяют представленным фактам надлежащего внимания. А ведь в годы Смуты походы польско-литовских войск зачастую имели грабительский характер и сопровождались с осквернением православных святынь. Свидетельства участия русинов – не только запорожских казаков, но и шляхты – в подобных действиях мы находим в великорусской литературе, которая вооруженные конфликты того времени изображает как агрессию Антихриста на последний оплот правоверного христианства. Письменные источники однозначно подтверждают, что москочиты отдавали себе отчет в том, что в рядах интервентов сражаются православные единоверцы, которых пробовали перетянуть на свою сторону, обращаясь к конфессиональной общности и угрожая Божьим гневом³¹.

²⁸ Ср. некоторые примеры, приведенные Флорей (*Древнерусские традиции...*, с. 192–193; *Польско-литовская интервенция...*, с. 126), а также другие свидетельства, содержащиеся в памятниках того времени, напр.: *Diariusz drogi Króla JMci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609... do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611*, oprac. J. Byliński, (=Acta Universitatis Wratislaviensis, nr 2098), Wrocław 1999, с. 109.

²⁹ Ср., напр.: К. Tyszkowski, *Kozaczyna w wojnach moskiewskich Zygmunta III (1605–1618)*, Warszawa 1935. Ср. также один из новейших текстов на эту тему: Е. Ю. Клецкова, *Участие запорожских казаков в русской Смуте*, [в:] *Смутное время в России...*, с. 100–101.

³⁰ В статье В. В. Масенко, упомянутой во 2-й сноске, автор также обращает внимание на амбивалентную позицию казаков и пытается выяснить ее причины (*Украинский фактор...*, с. 99–100). Историк совершенно справедливо подчеркивает также, что, рассматривая религиозный аспект конфликта Речи Посполитой с Московским государством, «несложно увидеть явное несовпадение официальной риторики [...] и реальной конфессиональной характеристики противостоящих сторон» (с. 97–98).

³¹ В обращении великорусских церковных иерархов, которое на рубеже 1615 и 1616 г. распространялось командующими царского войска на границе с Литвой, читаем: «Знаем мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущим нашей погибели, не рассуждая, где вы стояли и куда ниспали! Не льстите себя, что вы христиане: если четыре конца мира вопиют на мудрствующих с папою, то вы как будете христианами, поклоняясь зверю, которого Даниил пророк и Иоанн Богослов видели глаголющего глаголы хульные на Бога вышнего? Не верьте нам, но узнайте от житий св. отец прежде бывших ваших, которых не только тела, но и перст чудеса несказанные творит: за что они подвизались и с кем единомудрствовали в вере – с патриархами и со всею вселенною или с западом и с папою? [...] Того ради молим вас, пока время не пришло погибели общей, вашей и нашей, перестаньте от такого злого умысления

Тот факт, что несмотря на единство веры, большинство православных граждан Речи Посполитой встало на сторону западного мира, был чреват последствиями. Несомненно, он увеличил разрыв между северо-восточной и юго-западной Русью, а также стал причиной подозрительности и неприязни москвитов к польско-литовскому православию. Когда в 20-е годы XVII столетия – период сильнейшего кризиса Киевской митрополии – ее владыки, священники и монахи стали отправляться в царскую столицу за милостыней или убежищем, их неоднократно встречали как чужих, инославных – вплоть до того, что при патриархе Филарете Романове требовали от них повторного крещения³². Недоверие к киевскому православию проявилось также в кампании против так называемых «литовских книг» – то есть восточнохристианской религиозной литературы, изданной на территории Речи Посполитой³³.

Из всего сказанного следует, что прогнозы Петра Скарги, приведенные в начале статьи, оказались ошибочными. По разным причинам конец XVI и начало XVII веков были особенно неблагоприятны для развития украинско-белорусско-российских отношений. Ощущение обособленности или, вернее сказать, отсутствие достаточного сознания единства – это главные факторы, объясняющие, почему русины не искали помощи в Москве в годы религиозного кризиса периода Брестской унии. В свою очередь, когда в Смутное время состоялась первая за несколько столетий встреча обеих частей Древней Руси, единоверные восточные славяне встали по разные стороны баррикады – не только в государственно-политическом, но и в культурно-цивилизационном смысле.

и повинитесь Богу и его святым угодникам, да восхитят вас от адава мучительства; обратитесь к истинной христианской вере, данной нам от Бога, и к государю царю Михаилу Федоровичу, а в отступлении вашем мы вас простим и разрешим и государю царю будем бить челом своими головами; еще же совет царский и милость вам возвещаем, всеми благами земными одарит вас, как сыновей и братьев примет. [...] Когда узрите одесную Христа стоящих Петра, Алексия, Иону, многострадального Михаила Черниговского с Феодором, и в любви скончавшихся Бориса и Глеба, то к ним ли тогда прибегнете, благословение и мир получите или из объятий и от поцелуев Формосовых чад в вечную погибель отойдете? И где скроетесь от заступников российской церкви? Горе будет тогда вам от таковых отцов отступившим!» (С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. V (т. 9–10), Москва 1961, с. 99).

³² Все это, а также упомянутую ранее амбивалентную позицию запорожцев, описала недавно Татьяна Опарина на примере частной судьбы некоего Микиты Маркушевского, украинского казака, сперва сражавшегося на стороне короля Сигизмунта III, а позднее, в ходе московского похода королевича Владислава, вставшего на сторону Москвы; ср. Т. А. Опарина, *Спор о вере и безчестье Микиты Маркушевского*, [в:] она же, *Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии*, Москва 2007, с. 227–267.

³³ Ср., напр., А. А. Булычев, *История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России*, Москва 2004.

SUMMARY

Muscovy as Viewed by the Orthodox Citizens of Polish-Lithuanian Commonwealth before and in the Time of Troubles

After the Union of Brest (1596) the Orthodox Ruthenians (Belorussians and Ukrainians) were in a difficult situation. In spite of the discrimination determined by religious reasons, during the Time of Troubles they proved themselves to be loyal citizens of the Commonwealth. Many of them were fighting together with the False Dmitry, and then joined the forces of the Polish King Sigismund III Vasa and the royal prince Ladislaus (Władysław). The involvement in that conflict – regarded in Russia as a religious war – increased for many years the distance between the Orthodox Ruthenians and the Orthodox Russians.